

(понижение расценок на мыло, затребование гребней, ножниц, умывальников и всего, что улучшает гигиену потребителя), на посещение школы, на более рациональную организацию труда – одним словом, призывая бороться со всем, что «лишает здоровой жизни».⁵⁴⁹

После заслушания доклада Львова на заседании Тобольского Комитета Севера практика экспедиционного обслуживания населения подверглась критике. В прениях по данному вопросу представители Окргдравотдела и члены Комитета выдвинули целый ряд возражений против существования подвижных отрядов, которые сводились, в основном, к следующему. Во-первых, такие отряды из-за разнообразия выводов отдельных исследователей не дают возможности установить более или менее точную статистику о распространении болезней и естественном движении населения. Во-вторых, организация медицинских отрядов требует больших средств, чем содержание стационарного медпункта, в то время как пропускная способность отрядов незначительна. Наконец, наибольшее недовольство окружных властей вызывал факт «административной независимости» отрядов, формировавшихся, как правило, в областном центре. Все это привело к тому, что как Окрисполком, так и Комитет Севера признали организацию передвижных врачебно-обследовательских отрядов нецелесообразной.⁵⁵⁰

И хотя на заседании Президиума Облздравотдела 17 октября 1927 г. Львов попытался аргументировано доказать обоснованность упреков в свой адрес, вызывавшихся, по его мнению, лишь желанием «не допускать работу организаций, административно зависимых от Облздравотдела»⁵⁵¹, в дальнейшем, вплоть до образования Ямальского округа медико-санитарные отряды на Обдорском севере больше не работали.

Таким образом, в 1920-е гг. на севере Уральской области происходило становление новой, советской системы здравоохранения. Медицинская помощь, оказываемая стационарными лечебными учреждениями за недостатком средств «на разъезды» была далеко не достаточна и не выходила за пределы тех населенных пунктов, в которых они располагались. По этой причине обязанность по медицинскому обслуживанию населения была возложена и на специальные передвижные санитарные отряды, отправлявшиеся в районы, медицинской помощью до того не охваченные. И хотя организация последних в конечном итоге была признана нецелесообразной, определенную пользу они все же принесли. В этой связи нельзя полностью согласиться с Л.В. Алексеевой, указавшей, что «большого толку» от отрядов, не располагавших необходимым оборудованием и не способных развернуть свою деятельность в полевых условиях, не было.⁵⁵² Ведь именно работа подобных отрядов способствовала повышению культурных навыков быта и медицинских знаний населения, что и требовалось для решения проблемы оказания медицинской помощи населению в условиях Обдорского Севера.

**В.П. Мотревич
Екатеринбург**

ГЕРМАНСКИЕ ВОИНСКИЕ КЛАДБИЩА В ГОРОДЕ ТЮМЕНИ

В ходе Второй мировой войны и после ее окончания в советском плену оказалось 4,1 млн. военнослужащих иностранных армий. За время нахождения в СССР 580,5 тыс. из них умерли и захоронены на специальных кладбищах, имеющих в соответствии с существующими международными соглашениями статус воинских. В 1990-е гг. СССР, а затем Российская Федерация подписали со всеми странами – нашими противниками во

⁵⁴⁹ Там же. Л. 54.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 35-36; Ф. 695. Оп. 1. Д. 73. Л. 15-17.

⁵⁵¹ См. подробнее: Там же. Ф. 695. Оп. 1. Д. 73. Л. 4-5об.

⁵⁵² Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917-1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация. Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 328.

Второй мировой войне (за исключением Румынии) соглашения о статусе советских воинских кладбищ на территории этих государств и захоронениях иностранных военнослужащих и интернированных гражданских лиц на территории нашей страны.

В соответствии с данными соглашениями российская сторона обязывалась, предоставить зарубежным партнерам информацию о нахождении и состоянии захоронений военнослужащих их армий, а также оказывать необходимое содействие в проведении благоустроительных и эксгумационных работ. Кроме того, весьма настойчиво требуют получения информации о нахождении и состоянии мест захоронений и десятки тысяч иностранных граждан, чьи родственники погибли в России. Таким образом, в настоящее время данная проблема получила не только научное, но и политическое, а также гуманистическое звучание, что весьма значимо в условиях возврата нашей страны к восприятию многих общечеловеческих ценностей.

По проблеме нахождения в СССР военнопленных Второй мировой войны главным хранителем информации является Российский государственный военный архив (РГВА). В архиве сохранились весьма ценные и подробные материалы по захоронениям военнопленных иностранных армий, а также интернированных в СССР гражданских лиц. Следует отметить, что в начальный период Великой Отечественной войны учет плененных Красной армией и впоследствии умерших иностранных военнослужащих органами НКВД велся беспорядочно. Правда, и пленных было совсем немного, первые крупные их контингенты оказались в советском плену только после Сталинградской битвы. Поэтому летом 1943 г. органы НКВД СССР приняли первые меры по упорядочению оформления документов персонального учета умерших, а с осени 1944 г. повсеместно началась плановая организация мест захоронений и оформление соответствующей документации.

Учет умерших военнопленных осуществлялся путем записи в кладбищенской книге, которая о каждом захороненном содержала следующие сведения: фамилия, имя и отчество, год рождения, национальность, воинское звание, дата смерти и дата захоронения, номер могилы и номер квадрата. Кроме того, во многих книгах делали специальные приложения, в которых на основании учетных карточек составляли краткие справки. Они включали сведения о месторождения захороненных и месте жительства до призыва в армию, гражданстве, образовании, профессии, времени призыва в армию, месте службы и должности, времени и месте пленения.

Кроме списков умерших, по каждому захоронению составлялась и кладбищенская схема. В соответствии с существовавшим порядком территория каждого кладбища военнопленных разбивалась на квадраты – по 25 могил в каждом. Каждый квадрат имел свой номер, начиная с первого. Захоронения производились в порядке нумерации могил слева направо в соответствии с хронологией смерти. Нумерация могил осуществлялась отдельно для каждого квадрата. На каждой могиле устанавливался опознавательный знак – деревянный столбик с прибитой на нем дощечкой. В ряде случаев на могиле устанавливали железный стержень с приваренной к нему металлической табличкой. На табличке в числителе указывали номер могилы, в знаменателе – номер квадрата. Писать фамилию и имя умерших запрещалось, однако в ряде случаев это требование не соблюдалось. Кладбищенская схема представляла собой, как правило, сделанный на листе бумаги чертеж в виде прямоугольника. На нем изображались пронумерованные квадраты, в каждом из которых находилось 25 также пронумерованных могил.

Кладбище организовывалось либо на территории самого лагеря, либо в непосредственной близости от него и ограждалось колючей проволокой или деревянным забором. Разрешение на занятие данного участка получали у местных органов власти, но

этот порядок соблюдался далеко не всегда. По каждому кладбищу составлялась так называемая легенда. Она представляла собой схему его расположения на местности с необходимыми привязками и ориентированную по частям света.

После ликвидации лагеря, спецгоспиталя или отдельного рабочего батальона его администрация передавала кладбище под надзор местным органам власти, о чем составлялся соответствующий акт. Кладбищенские схемы и планы, а также списки умерших военнопленных передавали в территориальные отделы МВД, учетные дела умерших вместе с учетными карточками отправляли в Москву – в МВД СССР.

На протяжении первых послевоенных лет, а во многих местах и в 1950 – 1970 гг., данные кладбища находились под надзором органов МВД. Сохранились многочисленные справки и акты их осмотров с описанием состояния захоронений на дату проверки. Имеются и материалы хозяйственных служб на местах, которые отвечали за содержание захоронений военнопленных. Среди них отчеты о состоянии данных кладбищ и сведения о затратах на их содержание.

В 1990-х гг. по данной проблеме в нашей стране стал формироваться новый источник. Сотрудники созданной в Москве Министерством обороны РФ ассоциации «Военные мемориаль» стали обследовать расположенные на территории России иностранные воинские кладбища. Финансирование программы обследования осуществляли заинтересованные страны – Венгрия, Италия и, в первую очередь, Германия. После обнаружения и осмотра иностранного воинского кладбища составлялся протокол обследования. Прежде всего, в протокол вносились подробные сведения о месте захоронения. Указывались область и город, а также район, сельсовет и деревня, если кладбище располагается в сельской местности. В документе указывались также размеры захоронения, количество могил и численность захороненных, а также, к какой армии они принадлежали.

Протокол содержал и много других полезных сведений: указывалось, например, сохранились ли на месте кладбища памятные знаки и могильные холмики, выяснялось, имеется ли угроза разрушения данного захоронения и находится ли оно под охраной, фиксировались адреса и фамилии очевидцев. В протоколе также составлялась схема расположения кладбища с указанием ближайших ориентиров, расстояний и частей света. В случае сохранения могильных холмиков делался и внутренний план захоронения. В протоколе указывалась дата осмотра иностранного воинского кладбища, фамилия, имя и отчество проводившего осмотр и его адрес. Данный источник отличается высокой степенью информативности и позволяет в дальнейшем уже не потерять обнаруженные часто с огромным трудом иностранные кладбища. Таким образом, комплекс сохранившихся источников дает возможность и спустя пятьдесят – шестьдесят лет после закрытия иностранных воинских захоронений не только найти заброшенное кладбище, но и определить нужную могилу, а также провести эксгумацию и идентификацию останков.

Весной 1943 г. на территории Тюмени был открыт лагерь № 93 НКВД СССР для военнопленных, который просуществовал до 1948 г. Первоначально численность лагерного контингента составляла 2,3 тыс. человек, впоследствии она возросла вдвое. Два отделения лагеря № 93 были размещены недалеко от областного центра в деревне Парфеново, третье – в пос. Боровской Тюменского района. В них находились военнопленные из состава германской и итальянской армий. Судя по сохранившимся архивным материалам, с 1945 по 1948 г. в этом лагере умерли и были захоронены на двух специальных воинских кладбищах 154 человека.

Проведенное автором данной публикации выявление архивных материалов, а также осуществление им в 1995 г. поисковых работ на местности, позволили отыскать данные

захоронения. Одно из них расположено в областном центре и представляет собой специальный участок на окраине гражданского Парфеновского кладбища. На нем отчётливо просматривались полтора десятка могильных холмиков. Судя по рельефу местности, в результате строительства гаражей часть иностранного кладбища оказалась ликвидированной, однако основная его площадь осталась нетронутой. В мае 1995 г. сотрудники «Сибнефтебанка» уложили там памятную плиту с надписью «Покойтесь в мире», выбитой на русском и немецком языках.

Восстановление иностранных воинских кладбищ на территории РФ осуществляют два государства – Венгрия и Германия. Италия и Финляндия устанавливают на местах захоронения своих военнослужащих памятные знаки. На кладбище лагеря № 93 в Тюмени из 138 захороненных 137 составляют немцы, а еще один является австрийцем. Поэтому решение вопроса о его восстановлении взяла на себя германская сторона. В соответствии с российско-германским соглашением от 16 декабря 1992 г. об уходе за военными могилами в Федеративной Республике Германии и в Российской Федерации, правительство ФРГ поручило техническое осуществление этих задач на территории России Народному Союзу Германии по уходу за военными могилами. Тем самым германская сторона получила право в рамках действующего российского законодательства непосредственно проводить работы в России по благоустройству и уходу за военными захоронениями, а также осуществлять эксгумацию и перезахоронение останков.

В соответствии с вышеуказанным соглашением сотрудниками Народного Союза Германии был подготовлен эскизный проект и перечень работ по восстановлению кладбища в г. Тюмени. Он включал в себя обнесение территории кладбища решетчатым забором, установку большого креста из оцинкованного металла высотой около пяти метров, а также двух групп малых металлических крестов. Кроме того, предполагалось устройство вокруг каждого креста мощенной натуральным камнем площадки и установка на ней памятного камня из серого гранита со стандартной надписью на двух языках, а также посадка деревьев по периметру кладбищенской ограды.

Второе кладбище для захоронения умерших военнопленных третьего лагерного отделения было открыто в феврале 1946 г. на территории пос. Боровской. На нем было захоронено 17 военнослужащих германской армии. Кладбище было ограждено канавой, на каждой могиле насыпан холмик и установлен памятный знак. Проведенный в апреле 1959 г. осмотр данного кладбища специальной комиссией показал, что на его месте была оборудована открытая площадка для складирования торфа, а в последующем это место стало использоваться для стоянки торфодобывающих машин. В настоящее время данное захоронение находится на территории базы Боровского ОРСа. Установить его точные границы для оформления землеотвода с целью последующего благоустройства можно только путем проведения шурфовки. Однако в условиях сложившейся производственной инфраструктуры проводить такого рода работы едва ли целесообразно.

Следует отметить, что на обнаруженных нами кладбищах умерших военнопленных хоронили в 1945 – 1948 гг., пик же их смертности приходился на 1943 – 1944 г. Если учесть, что в эти годы смертность военнопленных составляла 12 – 15% их общей численности, а в условиях Сибири этот показатель был, несомненно, еще выше, то получается, что до настоящего времени остается неизвестным место захоронения в Тюмени еще приблизительно 400 – 500 военнопленных.

По данным учетных карточек и личных дел в 1943 – 1945 гг. помимо военнослужащих германской армии на территории Тюмени находился также 221 военнопленный из состава итальянской армии. Из них умерли 56 человек, однако

кладбищенская схема на эти захоронения отсутствует. Неизвестен даже примерный район их погребения, в фондах РГВА обнаружено лишь краткое упоминание о том, что это место находилось где-то на территории лесопитомника. Обращение к материалам архивов областных управлений МВД и ФСБ с целью уточнения этого факта не принесло положительных результатов. Поэтому дальнейшая работа по выявлению мест захоронения военнослужащих германской и итальянской армий на территории Тюмени еще впереди.

И.В. Нарский
Челябинск

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ УРАЛА 1917 – 1922 ГГ.)*

Пространственное оформление жизни обществ является одним из аспектов социального конструирования действительности⁵⁵³ и значимым воплощением культурно-ментальных процессов, представлений исторических актеров о себе, о культурно близком и чужом, о прошлом, настоящем и будущем. Ниже речь пойдет о пространстве как поле, ресурсе и системе координат социальной практики. Проблематика ограничена тремя сферами социальной практики в годы русской революции – политической, повседневным физическим выживанием, приданием смысла происходившему современниками. В связи с этим будут эскизно очерчены, соответственно, темы реорганизации, во-первых, политико-административного, во-вторых, бытового и, в-третьих, культурно-символьного пространства. Этим определяется структура дальнейшего изложения.

Российская революция 1917 г. стала “локомотивом” и воплощением цивилизационного крушения страны. “Всего за несколько месяцев Россия политически регрессировала до уровня раннего средневековья, когда она состояла из удельных княжеств”⁵⁵⁴. В июне 1918 г. на территории бывшей империи существовало не менее 30 “правительств”⁵⁵⁵. О том, насколько крупные размеры приобрел территориальный развал государства, косвенно свидетельствует введение в Конституцию РСФСР 1918 г. статьи о том, что “звание народного комиссара принадлежит исключительно членам Советов Народных Комиссаров, ведающим общими делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, и никаким иным представителям Советской власти, как в центре, так и на местах присвоено быть не может” (гл. 8, ст. 48).

Территориальный распад страны болезненно коснулся и Урала. Сравнение его территориальных карт 1917 и 1922 г. свидетельствует, что внешние и внутренние границы региона изменились до неузнаваемости: Уральская область утратила свои западные и южные территории за счет большей части бывших Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний и получила гигантские приращения вследствие приобретения западно-сибирской Тюменской губернии. На карте 1922 г. имеются, кроме того, новые губернские центры – Екатеринбург и Челябинск. За счет перераспределения уездов и выделения новых губерний и национальных областей радикально сдвинулись границы прежних губерний.

Какие явления стали “ферментами” территориального разложения? Что стояло за экспериментами по перекройке уральской карты?

С распадом территории страны был неразрывно связан причудливый ансамбль обстоятельств, ускользающих от жесткого конструирования причинно-следственных связей. Беспрецедентное ослабление центральной власти и стремление национальных территорий к самоопределению, региональный сепаратизм и гражданская война, переросшая в 1920 г. в грандиозное крестьянское вооруженное возмущение; сельский

⁵⁵³ См.: П. Бергер, Т. Лукман Социальное конструирование реальности. М., 1995.

⁵⁵⁴ Р. Пайпс. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 186.

⁵⁵⁵ Там же. С. 187.